

Творческие
портреты

Владимир Никонов

СЛОЖНЫЙ процесс творческого развития любого артиста почти невозможно раскрыть в рамках одной газетной статьи. То, что сегодня для артиста является новым, завтра станет пройденным этапом. Но в развитии артиста существуют определенные рубежи, которые он проходит на пути совершенствования мастерства, и именно эти рубежи определяют творческое лицо артиста, его возможности и художественные устремления.

Творчество солиста балета Владимира Никонова можно условно разграничить на два этапа: первый — когда он танцевал

В. Никонов — Принц («Золушка»).

всевозможные па де де, па де труа, вставные вариации, то есть то, что мы на профессиональном языке привыкли называть репертуаром первого солиста. И второй, когда перед В. Никоновым встали задачи, для решения которых потребовалось все его мастерство, весь его творческий багаж.

За последний год В. Никонов подготовил три большие ведущие партии мужского классического репертуара: Принц Зигфрид в «Лебедином озере», Данила в «Каменном цветке», Принц в «Золушке». Роли все эти очень разные по своей технической лексике и драматургической образности, и не все они были решены артистом бесспорно удачно...

Репертуар В. Никонова в классических партиях первого этапа очень широк: па де труа в «Лебедином озере», Трубадур в «Ромео и Джульетте», Бернар в «Раймонде», вставное па де де в «Жизели», Голубая птица в «Спящей красавице» — вот далеко не полный перечень ролей, через которые прошел В. Никонов. Эти партии помогли ему получить крепкую базу для развития технического мастерства, в них он оттачивал классическую форму и пластический рисунок, но беда в том, что все эти партии очень од-

ноплановы, лишены драматургической нагрузки и не требовали развития актерского мастерства.

Встреча В. Никонова с большим мастером Алексеем Николаевичем Ермолаевым помогла ему, видимо, несколько пересмотреть творческие принципы своего исполнения. В каждом артисте, работающем с ним, А. Ермолаев умеет очень тонко угадать индивидуальность и раскрыть ее непосредственно через танец. Для А. Ермолаева нет танца ради танца, танец — это текст, через который артист передает внутреннее существо и характер своего героя. У А. Ермолаева танцовщик и артист — синонимы, и эту мысль он старается привить своим ученикам.

Непосредственное творческое общение В. Никонова с А. Ермолаевым началось с работы над партией Зигфрида в «Лебедином озере». Это была, пожалуй, первая роль, в которой В. Никонову нужно было подумать о целостности образа и его развитии. Чувствовалось, что В. Никонов еще ошупью, во многом чисто интуитивно, ищет новые для себя краски в создании образа; предложения А. Ермолаева пока не находят должного воплощения. И если эта партия с чисто технической стороны была исполнена довольно свободно, с подкупающей легкостью в сложных вариациях третьего акта, то образ был решен артистом в традиционной «голубой» манере. В сущности, это был хороший повтор уже сложившихся традиций, и все же эта партия, на мой взгляд, была для В. Никонова тем рубежом, после которого он поверил в свои силы, поверил в возможность делать что-то более значительное, чем делал прежде.

В том, что за последний год В. Никонов подготовил три большие партии, есть свои плюсы и минусы. Хорошо, что творческий багаж способного классического танцовщика стал более разнообразным, но плохо, на мой взгляд, что такая творческая перенасыщенность помешала ему равномерно распределить свои силы.

Так случилось, когда В. Никонов всего за десять дней подготовил партию Данилы в «Каменном цветке». Образ Данилы — сложный и многогранный, и его глубокую содержательность можно постигнуть только в результате кропотливой работы, длительного «втанцовывания» в партию. Из виденных мною многих исполнителей партии Данилы лишь единицы удачно совмещали в себе то, что было предложено музыкой, драматургией и балетмейстером. В. Никонов подошел к созданию этого образа «осторожно». Все было на уровне профессиональных требований, добросовестно были выполнены указания балетмейстера, но артист построил только каркас роли, не вдохнув в него содержание. Хотя завидное трудолюбие дало определенные результаты, все же эту партию нельзя считать его творческой удачей. Мне кажется, что В. Никонову надо вернуться к работе над ролью Данилы, и хотя, может быть, она и не станет главной в его репертуаре, но, несомненно, творчески во многом обогатит его.

Работа над сольными партиями помогла В. Никонову более успешно решать сложные задачи, а такие партии, как Данила, Вацлав, Принц, в свою очередь положительно повлияли на исполнение эпизодических ролей, которые В. Никонов и сейчас танцует с большим успехом.

Если раньше в некоторых сольных партиях танец В. Никонова был технически совершенен, хотя и исполнялся несколько формально, а порой кое-где вкрадывалась и небрежность, то теперь даже партии «камерного» плана танцуются В. Никоновым с большой профессиональной ответственностью. Более выразительными, «говорящими» стали кисти

рук, увереннее, скульптурнее — позы, танцевальная пластика — строже и благороднее. Это видно по исполнению партии Трубадура в «Ромео и Джульетте» или в такой строго классической партии, как Бернар в «Раймонде».

Долгие, кропотливые поиски лучших вариантов исполнения совместно с А. Ермолаевым стали наиболее заметны в роли Принца в «Золушке». В своей выходной вариации В. Никонов — Принц по-юношески пылок и в меру дерзок, ему нет дела до светских условностей, он такой юноша, который может «сесть в кресло, как в седло». В. Никонов стремится сделать своего героя реальным, жизненным и действенным, значительно выделяющимся из толпы жеманных придворных и чопорных иноземных гостей. Вальс — встречу с Золушкой на балу — он проводит в мягких лирических тонах. В нем уже ничего не остается от дерзкого мальчишки-Принца, каким мы видим его в начале акта. Бережно и любовно его отношение к Золушке, кажется, он боится неосторожным движением вспугнуть это чудесное видение.

Вторая вариация Принца на балу у В. Никонова прозвучала очень эмоционально. От первого и до последнего такта он танцует ее как любовный монолог — обращение к своей избраннице. Хореографический текст вариации получает эмоциональное драматургическое осмысление при помощи простых, конкретно найденных выразительных танцевальных жестов. Очень искренне проводит В. Никонов дуэт с Золушкой, убедительно и контрастно передавая душевные переживания, связанные с зарождением любви.

Я подробно остановился на исполнении В. Никоновым роли Принца в «Золушке» потому, что, на мой взгляд, эта партия стала лучшей в его репертуаре. И раньше никто не сомневался в танцевальных технических возможностях В. Никонова. Здесь артист танцует очень сильно, демонстрируя отличное верчение, легкий прыжок, подкупающую свободу выполнения сложных танцевальных элементов. Но особенно приятно, что артист сумел раскрыть оба плана этого образа — его реальность и сказочность, был искренен сначала и до конца, убедителен в действиях и поступках. В спектакль «Золушка» перед нами был не только танцовщик, но и актер. В. Никонов приобрел то качество, в котором мы так часто в прошлом ему отказывали.

Выступление В. Никонова в «Золушке» доказало, что артист вступил в полосу творческой зрелости. Впереди, безусловно, еще будут и радости побед и, наверное, горести отдельных неудач, но трудолюбие В. Никонова, его огромная влюбленность в свое искусство, творческая неудовлетворенность достигнутым — качества, гарантирующие, что Владимир Никонов и в дальнейшем будет творчески расти.

В. ГОЛУБИН, артист балета.

В. Никонов и Н. Бессмертнова в балете «Шопениана».

В. Никонов — Данила («Каменный цветок»).